

С.В. Думин, А.А. Турилов.

«Откуда есть пошла Русская земля?»

*И стали все под стягом,
И молвят: «Как нам быть?
Давай пошлем к варягам:
Пускай придут княжить.
Ведь немцы тороваты,
Им ведом мрак и свет...»
И вот пришли три брата,
Варяги средних лет,
Глядят — земля богата,
Порядка ж вовсе нет».*

А. К. Толстой.

*«История государства
Российского от Гостомысла
до Тимашева»*

Алексей Константинович Толстой уместил рассказ о призвании варягов (знакомый в те времена каждому мало-мальски образованному россиянину) в несколько строф. Но современному читателю, пожалуй, не помешает напомнить те самые строки «Повести временных лет», из-за которых вот уже третий век ломают копья отечественные историки.

«В год 6367 (859). Варяги из заморья вимали дань с чуди, и со славян, и с мери, и со всех кривичей. А Хазары брали с полян, и с северян, и с вятичей по серебряной монете и по белке с дыма...

В год 6370 (862). Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». И пошли за море к варягам, к руси («идоша за море к варягом, к руси»). Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готландцы («сице бо тии звахуса варязи русь...»), — вот так и эти прозывались. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка («наряда») в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, — на Белоозере, а третий, Трувор, — в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля. Новгородцы же — те люди от варяжского рода, а прежде были славяне («преже бо беша словени»). Через два года умерли Синеус и брат его Трувор. И овладел всею властью («прия власть») Рюрик, и стал раздавать («раздая») мужам своим города — тому Полоцк, этому Ростов, другому Белоозеро. Варяги в этих городах — находники, а коренное население («первии насельници») в Новгороде — славяне, в Полоцке — кривичи, в Ростове — меря, в Белоозере — весь, в Муроме — мурома, и над теми всеми властвовал («обладаше») Рюрик...»

Согласно «Повести временных лет», Рюрик княжил в Новгороде. Тем временем власть в Киеве, в земле полян, где, согласно легенде, когда-то правили братья Кий, Щек и Хорив, была захвачена другими варягами — Аскольдом и Диром. Отпросившись у Рюрика в Царьград со своим родом и плывя по Днепру, они увидели на горе «градок»; узнав от местных жителей, что те платят дань хазарам, Аскольд и Дир остались в этом городе, собрали у себя много варягов, ходили в походы на Константинополь. После смерти Рюрика (если верить той же летописи, в 6387 (879) г.)

на страницах русской истории появляется имя Олега, возможно, родственника Рюрика («от рода ему суща»); согласно той же летописи, Рюрик отдал ему на попечение своего малолетнего сына Игоря. Под 6390 (882) г. летопись описывает поход Олега с варягами, чудью, мерей, кривичами на Смоленск, Любеч и Киев (где были обманом захвачены и убиты Аскольд и Дир). Олег вокняжился в Киеве, покорил древлян, подчинил северян и радимичей, прежде плативших дань хазарам, воевал с уличами и тиверцами, в 6415 (907) г. возглавил успешный поход на Царьград («и повеси щит свой в вратех, показуа победу»). Летопись сохранила и список мирного договора 912 г. «Олга, великого князя русского... и от всех, иже суть под рукою его, светлых и великих князь, и его великих бояр» (согласно летописи, в то время не только в Киеве, но и в Чернигове, Переяславле, Полоцке, Ростове, Любече и прочих городах «седя-ху велиции князи, под Олгом сущи») с императорами Леоном и Александром. Из него мы узнаем и первые имена отечественных дипломатов «от рода рускаго». Их звали Карлы, Инегельд, Фарлаф, Веремуд, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост и Стемид; насколько нам известно, практически никто из историков не сомневался, что эти лица, как и сам Олег, были варягами (хотя в походе Олега участвовали, кроме варягов, словене, чудь, кривичи, меря, древляне, радимичи, поляне, северяне, вятичи, хорваты, дулебы, тиверцы).

История вещего Олега и его предсказанной волхвами смерти «от коня своего» воспета Пушкиным. Но в летописном рассказе — довольно отрывочном, словно сшитом из нескольких кусков — есть неясности, темные места. Преемственность княжеской власти от новгородского князя Рюрика к его родственнику Олегу, подчинившему другие города и земли и сделавшему своей столицей Киев, а затем вокняжение в Киеве Игоря (датируемое 912 г.) — сына Рюрика, воспитанного Олегом, по-видимому, не вызывали сомнений у древнерусских летописцев; однако в новейшее время споры о генеалогии династии Рюриковичей — потомков Игоря Старого и княгини Ольги — приобрели необычайную остроту; к этому вопросу мы вернемся ниже.

Итак, летописцы, повествуя о древнейших, почти легендарных для них самих временах, о начале Русского государства, отмечали варяжское происхождение правящей династии и возводили имя своей державы к названию варяжского племени, не видя в том ничего для себя обидного. Известие о Рюрике и его братьях кочевало из летописи в летопись, постепенно обрастая новыми деталями (это происходило со многими летописными сюжетами) и обогащаясь подробностями, ранее никому не известными.

В новгородском летописании в конце XV в. появляется новая версия призвания варягов, согласно которой варяжский князь Рюрик был призван в Новгород по совету тамошнего старейшины Гостомысла (Гостомysl предстает в этой легенде предшественником выборных правителей Новгорода — посадников), как позже, в республиканские времена, новгородцы призывали князей-военачальников. По-видимому, в это время новгородцы пытаются по-своему истолковать исторические события, чтобы использовать их в борьбе против московских князей, угрожавших самобытности купеческой торговой республики. Тогда же, по-видимому, появляется в летописи и фигура Вадима, якобы возглавившего заговор новгородцев против князя и казненного Рюриком (трудно сказать, почему у этого легендарного отечественного тираноборца персидское имя). Со временем генеалогия Рюрика в этой версии обогатится новыми данными: он окажется внуком Гостомысла, сыном его дочери Умилы.

В то время, когда для новгородцев предание о Рюрике станет поводом для того, чтобы показать древность республиканских институтов, в усилившейся Москве и соперничающей с ней Твери правящие там Рюриковичи примут новую, еще более блистательную версию своего происхождения.

На рубеже XV — XVI вв. тверской инок Спиридон, «рекомый Савва», по прозвищу Сатана (согласно летописи, прозванный так «за резвость») закончил знаменитое «Сказание о великих

князьях Владимирских». В этом памятнике Рюрик становится потомком кесаря Августа, приглашенным на княжение из Пруссии. Легенда о призвании варягов перестает быть самостоятельным памятником и становится лишь эпизодом (хотя и остается довольно важным звеном в цепи иерархической преемственности). Для Спиридона-Саввы важна не роль варягов в образовании государства, а происхождение династии, доказывающее священное право на монархическую власть потомков легендарного Пруса, «сродника Августа-кесаря» (об этом впоследствии с гордостью поминал на переговорах с польскими послами царь Иван Грозный).

Чрезвычайно любопытная трансформация происходит с легендарной частью русской истории в некоторых летописных памятниках XVII в. Еще древнерусские летописцы включали в свое повествование известия из библейской истории, вписывая события прошлого своей страны в христианскую историческую традицию. Но в XVII в. предпринимается попытка прямо связать начало русской истории с Библией. Непосредственные предки славян оказываются ближайшими потомками легендарного Ноя (его правнука Скифа и старших сыновей последнего — Словена и Руса). Славянские князья воюют с Александром Македонским и получают от него злато-писаную грамоту с печатью, которая была повешена «в божнице... по правую страну идола Велеса». Рассказ о Гостомысле — новгородском старейшине (перед смертью заповедавшем новгородцам идти в Варяжскую землю, чтобы просить «тамо живущих самодержцов, иже есть роди кесаря Августа, да идут к вам княжити, несть сраму вам таковым покориться») выглядит на этом фоне чуть ли не эпизодом новейшей истории, а имя державы восходит к временам древнейшим, библейским.

Эта легенда, возникшая, по всей вероятности, в Новгороде (об этом свидетельствует хорошее знакомство с топонимикой города и ряд других деталей), к середине XVII в. стала почти канонической и отразилась во многих летописных сводах этого времени. Тезис о древностях Руси соответствовал интересам молодой династии Романовых, претендовавшей на роль вершителей судеб славянства. Свежа была память о всенародном избрании Михаила Феодоровича, и, хотя новая династия не могла похвастаться прямым происхождением от Рюрика, версия родословцев о выезде предка Романовых «из Прусской земли», несомненно, явилась отголоском той же «августианской» легенды. Никого уже не смущали ни фигура Гостомысла, ни то, что легенда возникла в некогда республиканском Новгороде.

В Москве «библейская» версия начала русской истории была канонизирована, но провинциальные летописцы продолжали обогащать ее новыми деталями. Так родился последний, наиболее колоритный, пожалуй, вариант варяжской легенды, дошедший до нас в изложении первого русского историка Василия Никитича Татищева (к сожалению, использованная им так называемая Иоакимовская летопись, датируемая последней четвертью XVII в., до нас не дошла).

Рассказ Иоакимовской летописи, быть может, знаком нашим читателям по небезызвестному роману-эссе Чивилихина «Память». Согласно ему, Рюрик оказывается выходцем из западославянских земель, внуком Гостомысла, сыном его любимой средней дочери Умилы. Есть в легенде и вещий сон (Гостомысл видит, что из чрева его дочери Умилы выросло большое плодоносящее дерево, покрывшее большой город; волхвы из Семигалии, т. е. из латышских земель, прибыв к нему, объясняют этот сон: наследником будет сын Умилы). Обогащается деталями и родословная Гостомысла: в легенде появляются его отец князь Буривой и другие предки.

Эта наиболее цветистая версия привлекает не только литераторов, но и некоторых историков. Многие полагают, что наши предки знали о древнем прошлом нашей страны больше, чем мы. Но нельзя забывать, что летописи — памятник очень сложный. Как памятник, летопись живет не более полутора веков (это доказывает вся история нашего летописания). После этого она либо

превращается в новый памятник, сильно редактируется, либо «выпадает из обращения». Поэтому если то или иное известие встречается только в поздних памятниках, — это верный признак того, что мы имеем здесь дело не с историей, а с литературой. Мы отнюдь не намерены обвинять летописцев XVII в. и их предшественников в том, что они сознательно придумывали те или иные детали и подробности. Они могли заимствоваться из местных преданий, проистекать из какой-то обработки, собственного понимания, попытки «расшифровать» более ранние известия. Летописец брал за основу ту версию, которая казалась ему более убедительной, более близкой, привлекательной.

Так, на заключительном этапе русского летописания, на пороге петровской эпохи была сформулирована каноническая версия начала русской истории, в которой мало что осталось от первоначального состава летописи.

Уже упоминавшийся Василий Никитич Татищев, автор «Истории Российской с самых древнейших времен», весьма скептически отнесся к легендарным наслоениям предшествующих веков и вернулся к «Повести временных лет», т. е. первоначальному известию о призвании на княжение в Новгород Рюрика (кстати, его родоначальника), хотя привел и рассказ-легенду о Гостомысле. Рюрика он считал варягом, и сообщения Иоакимовской летописи, приведенные в примечаниях, не принимал всерьез. Но труд Татищева при его жизни так и не увидел света. Тем временем вопрос о том, как и кем было создано Русское государство, при преемниках Петра приобрел — пожалуй, впервые — подлинную политическую остроту.

За год до смерти, в 1724 г., Петр Великий подписал указ о создании в Петербурге Академии наук, выписав в нее из Германии ученых. Два дотошных немца, трудившиеся в 30—60-е годы XVIII в., Иоганн Готфрид Байер и Герард Фридрих Миллер, покопавшись в летописях, выявляют то самое известие о призвании варягов в его первоначальной версии и в своих ученых диссертациях излагают ее в качестве наиболее правдоподобной. Их, впрочем, заинтересовала не столько фигура Рюрика (хотя именно Байер показал, что летописная версия, по-видимому, искажена, т. е. имена братьев Рюрика — в действительности скандинавские слова, обозначающие, что он пришел в землю словен со своей верной дружиной — «тру-вор» и своим домом — «сине-хус»), сколько происхождение слова «русь». В соответствии с летописью и привлекая дополнительные доказательства, академики заявили, что имя Российской империи — скандинавского происхождения.

Несмотря на большой вклад этих ученых, в частности Г. Ф. Миллера, в изучение источников по истории России, обобщающего труда по русской истории не существовало, и тогда, как язвительно заметил их соотечественник и коллега историк Август Людвиг Шлецер, «императрица Елизавета Петровна приказала написать оную химии адъютанту Ломоносову».

Вот тут-то и ударили первые пушки в великой войне, с перерывами продолжающейся до наших дней.

Для Ломоносова отрицание варяжского происхождения слова «русь» стало краеугольным камнем в аргументации, призванной опровергнуть версию об организующей роли «немцев» в истории России.

Миллер и Байер, опираясь на документы, доказывали «нерусское» происхождение «Руси». В финском «руот-си» — шведы (кстати, такое же обозначение скандинавов существует в других финно-угорских языках: эстонское roots, водское rotsi, ливское rvot's, карельское rotsi). Византийский император Константин Багрянородный, описывая в середине X в. днепровские пороги, приводит их славянские и «русские» названия, причем последние — явно скандинавского происхождения. Подобных доводов было собрано очень много (в том числе и свидетельства франкских и византийских документов, где «руссами», послами народа русского, именуется

варяги). Но, придя к выводу о скандинавском корне в названии Русского государства, почтенные профессора, однако, на этом не успокоились и пошли дальше. Они заявили, что и само это государство было создано выходцами с запада. Ломоносов, возмущенный их утверждениями об организующей роли скандинавского (германского) элемента славянской стихии (довольно забавный тезис у представителей тогдашней Германии — страны, карта которой напоминала лоскутное одеяло), естественно, заявил, что немцы Русского государства не создавали, а поскольку государство наше исконно русское, то и название у него местное, а не чужеземное.

Нетрудно заметить, что этот спор (в нем, несомненно, слышны отголоски политической борьбы первой половины XVIII в., отражена память о ненавистной «бироновщине») велся не совсем корректно. В аргументации обеих сторон присутствовала некоторая логическая несообразность, ложный силлогизм, связывались два элемента, которые в действительности не взаимообусловлены (название государства и его происхождение). Доказывая, что само слово «русь» гораздо древнее призвания варягов, Ломоносов связал его с сарматами-роксоланами («рос-аланами»), рекой Рось на юге. Он обращается к поздним летописям, более подходящим для обоснования его концепции. Отрицать существование Рюрика в стране, где к нему восходила генеалогия множества знатных родов и сама императорская династия в той или иной степени претендовала на наследственную преемственность своей власти, было бы несколько неосторожно. И тогда Ломоносов попытался отрицать скандинавское происхождение Рюрика, опираясь на уже упоминавшееся «Сказание о князьях Владимирских»: Рюрик был из Пруссии, а Пруссия — это «По-руссия», руссы — славяне, следовательно, и пруссы — славяне также.

Острый спор угас в царствование Екатерины II, когда рассуждения о том, хорошо или плохо приглашать иностранцев на русский престол, были явно не к месту. Но нужно сразу же отметить, что проблема, волновавшая Ломоносова, для других русских историков XVIII — начала XIX в. практически не существовала. Без особых возражений принимали известие о призвании варягов М. М. Щербатов, Н. М. Карамзин, который с некоторым сомнением упоминает Гостомысла и скептически отзывается о Вадиме, отмечая, что эти лица отсутствуют в древнейших летописях. Сюжеты, связанные с этими событиями, начинают проникать в литературу. Естественно, писателей привлекают наиболее колоритные версии, и появление во второй половине XVIII в. драмы Я. Княжнина «Вадим Новгородский», как и позднейшие рылеевские стихи, было одним из проявлений оппозиционности по отношению к абсолютизму. И в XIX, и в начале XX в. традиционная версия не вызывала возражений у крупных историков; ее принимали М. П. Погодин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, М. Н. Покровский. Но и линия Ломоносова не умерла, и некоторые авторы время от времени все же подвергали сомнению то норманнское происхождение Рюрика, то сам факт призвания варягов; впрочем, подобные работы не вызывали особого резонанса в исторической науке. Как ни странно, проблема эта практически не волновала и отечественных историков послеоктябрьского периода вплоть до 30-х годов XX в. Известный знаток Киевской Руси В. В. Мавродин, анализируя документы, связанные с Игорем, прямо говорил о скандинавском происхождении династии.

То, что сейчас представляется нам вечной и чрезвычайно острой проблемой нашей исторической науки, приобрело действительную остроту лишь в 30-е годы нашего столетия, и диктовалось это не научными, а политическими причинами. В какой-то степени это явилось ответом на активизацию германской историографии в связи с созданием третьего рейха. Политические теории, еще в XIX в. провозглашаемые идеологами пангерманизма, были восприняты как практическое руководство к действию пришедшими к власти в Германии нацистами. Пытаясь доказать неполноценность славян, их неспособность к самостоятельному развитию, германские историки выдвигают тезис об организующей роли германского начала в Польше, Чехии, на Руси, используется и рассказ летописи о призвании варягов, которые и объявляются создателями Русского государства.

В этих условиях (а также в атмосфере насаждаемого в стране страха перед иностранным окружением) в советской историографии неожиданно происходит очередная «переоценка ценностей». Вся предшествующая, не очень мощная критическая литература, подвергавшая сомнению варяжскую теорию, вдруг неожиданно становится генеральной линией советской исторической науки. Историки отрицают роль варягов в образовании Русского государства, а заодно и факт их призвания и княжения, существование самого Рюрика и, разумеется, возможность скандинавского происхождения названия Руси. Такая позиция представляется теперь патриотической, а следовательно, единственно допустимой и верной; она попадает в школьные и университетские учебники (а, как сказала английская писательница Джозефина Тэй, «миллионы школьных учебников не могут ошибаться») и проникает в общественное сознание.

Воинствующий антинорманизм становится одним из священных знамен советской исторической науки, а его представители занимают почетные места в научной иерархии. Дополнительным стимулом к утверждению нового направления стала «борьба с космополитизмом» в начале 50-х годов. После этого господствующая научная школа, окопавшись и возведя мощные укрепления, довольно успешно подавляет слабые попытки подвергнуть сомнению те или иные элементы новой теории.

Историки этого лагеря (надо отдать им должное, много сделавшие для показа реальных внутренних предпосылок создания на Руси собственного государства), подобно своим предшественникам в XVIII в., не избежали искушения продлить исторические корни Руси в незапамятные времена.

События, предшествовавшие призванию варягов, дошли до нас в двух легендарных версиях, связанных по сюжету, но несколько различающихся по содержанию. Одна из этих версий принадлежит перу неизвестных летописцев, окончательное оформление другой — заслуга академика Б. А. Рыбакова, признанного главы отечественных антинорманистов и автора многих солидных монографий по истории Древней Руси, славянскому язычеству и другим вопросам.

Версия первая, связанная с Гостомыслом и возникшая в Новгороде, цитировалась выше. История Гостомысла, увы, маловероятна, и вовсе невероятны дипломатические отношения древних руссов с Александром Македонским. Но, как известно, кроме истории о варягах и их призвании в Новгород, начальная русская летопись сохранила и другую, более древнюю легенду, относящуюся к основанию Киева.

«И были три брата: один по имени Кий, другой Щек и третий Хорив, а сестра их была Лыбедь. Сидел Кий на горе, где ныне взвод Боричев, а Щек сидел на горе, что ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, которая прозвалась по нему Хоривицей. И построили городок во имя старшего брата и назвали его Киев. Был кругом города лес и бор велик, и ловили там зверей, а были те мужи мудры и смыслены, и назывались они полянами, от них поляне и доньне в Киеве.

Некоторые же, не зная, говорят, что Кий был перевозчиком; был-де тогда у Киева перевоз с той стороны Днепра, отчего и говорили: «На перевоз на Киев». Если бы был Кий перевозчиком, то не ходил бы к Царьграду; а между тем Кий этот княжил в роде своем, и ходил он к царю, и великие почести воздал ему, говорят, тот царь, при котором он приходил. Когда же возвращался, пришел он на Дунай и облюбывал место, и срубил городок невеликий, и хотел сесть в нем со своим родом, да не дали ему близживущие; так и доньне называют придунайские жители городище то — Киевец. Кий же, вернувшись в свой город Киев, тут и умер; и братья его Щек и Хорив и сестра их Лыбедь тут же скончались.

И по смерти братьев этих потомство их стало держать княжение у полян, а у древлян было свое княжение, а у дреговичей свое, а у славян в Новгороде свое, а другое на реке Полоте, где полочане».

Увы, братья Кий, Щек и Хорив и сестра их Лыбедь — личности, во времени практически не локализуемые. Их имена — очевидно, попытка жителей «матери городов русских» объяснить местную топонимику, в том числе само название города (точно так же в Кракове — старой столице Польши — была записана древняя легенда о князе Краке, а Рим — «Рома» — назван в честь легендарного основателя Ромула). Во всяком случае, ничем не аргументирована попытка Б. А. Рыбакова отнести время Кия к VI в., эпохе Юстиниана, лишь на том основании, что в то время славяне нападали на Византию, а Кий, согласно легенде, «ходил... к Царьграду». И откровенной натяжкой кажется нам попытка отождествить легендарного Кия с византийским полководцем Хильвудием, антом по происхождению, которого упоминает современник Юстиниана историограф Прокопий Кесарийский. Существование Кия, впрочем, вполне правдоподобно. Киев — град Кия, как Ярославль — град Ярослава. Но уже во времена первых русских летописцев никто не помнил даже имени императора, который якобы воздал Кию «великие почести», а некоторые всерьез считали легендарного основателя города простым перевозчиком через Днепр. И уж во всяком случае древние летописи не дают никаких оснований для того, чтобы, подобно Б. А. Рыбакову, считать Аскольда, Дира и Игоря Старого представителями «династии Киевичей», т. е. полянами. С таким же успехом этих лиц можно было бы считать мадьярами, хазарами, византийцами, болгарами, эфиопами, но в летописи они названы варягами. Никакими другими данными об их происхождении мы не располагаем.

Сведения о князьях Руси как исторических лицах появляются достаточно «кучно» в отечественных, западноевропейских и восточных источниках, и относятся они к середине IX в. Но эти князья связаны в первую очередь с иным регионом — русским Севером, о чем подробнее будет сказано ниже.

Торжество воинствующего антинорманнизма в нашей историографии, по всей вероятности, дело прошлое. Любая попытка критически осмыслить сообщения исторических источников в принципе вполне правомерна. Но беда в том, что антинорманнская теория в силу особенностей нашего общественного сознания и при активной поддержке государственной власти стала в 30-е годы господствующей и, следовательно, единственно правильной и обязательной. Те, кто пытался подвергнуть критике хоть какой-то элемент этой стройной схемы, автоматически попадал в разряд пособников мирового империализма (со всеми вытекающими отсюда последствиями). Апофеозом этого направления нашей исторической науки стало празднование 1500-летия Киева (когда берег Днепра украсила скульптурная группа, изображающая Кия, Щека и Хорива и сестру их Лыбедь), сопровождавшееся раздачей правительственных наград отцам города.

В оценке реальной роли пришлых варягов в истории Руси IX — X вв. особую роль сыграли археологи (представители одной из немногих сравнительно «точных» отраслей исторической науки). Особое внимание исследователей привлекали и привлекают раскопки Гнездова (являвшегося, по всей вероятности, предшественником Смоленска), Тимиревских и Михайловских курганов под Ярославлем. Археологи обнаружили и характерные типы скандинавских погребений (в том числе известные читателям, быть может, по картине Семирадского «Похороны русса» — погребение в ладье) с характерными предметами, в том числе так называемыми «молоточками Тора» (амулетами, связанными с культом скандинавского бога-громовержца), мечи, застежки-фибулы. Особенно интересно, что многие предметы были изготовлены явно местными мастерами, т. е. по крайней мере для X в. можно с уверенностью констатировать присутствие варягов среди местных жителей. Эти находки скандинавского инвентаря дали историкам достоверный материал, который было довольно трудно игнорировать, хотя под давлением все той же великой теории раскопки иногда свертывались, предпринимались попытки искусственно снизить — путем сложных манипуляций — «чрезмерно высокий» процент варяжских погребений и тем самым процент варягов среди местной дружинной знати. К 80-м годам XX в. споры несколько смягчились. Не отказываясь от своего коронного тезиса о славянском происхождении

Игоря Старого, даже академик Рыбаков стал склоняться к мнению об историчности фигуры Рюрика, вслед за русским историком-эмигрантом Н. Т. Беляевым отождествляя его (быть может, несколько поспешно) с Рориком Фрисландским — датским конунгом, участвовавшим в некоторых набегах, а затем словно исчезнувшим с исторической арены. Еще в 70-е годы археолог М. Х. Алешковский, один из участников новгородских раскопок, высказал мысль о том, что призвание варяжского князя именно в Приильменье явилось следствием довольно сложной этнической ситуации в этом регионе, где проживало несколько племен разного происхождения — славяне, угро-финны, балты, и ни одно из них не желало бы установления верховной власти представителя соседнего племени, следовательно, логично было пригласить чужеземца.

Пока мы знаем далеко не все. Но постепенно, отбрасывая эмоции, не имеющие ничего общего с наукой, мы приближаемся к истине, пытаюсь представить себе реальные процессы, предшествовавшие образованию Русского государства.

Итак, спрашивая сегодня вслед за летописцем — «откуда есть пошла Русская земля», — мы должны отдавать себе отчет, что само по себе происхождение названия страны отнюдь не является решающим для оценки генезиса ее государственности. В истории есть немало примеров, когда народ заимствует свое имя совсем не от того предка, от которого наследует язык и материальную культуру, причем комбинации тут могут быть самыми различными. Славяноязычные болгары носят имя тюркского племени, в VII в. создавшего на Балканах первое Болгарское царство и бесследно растворившегося среди славянских племен, составлявших большинство его населения. При этом в их материальной культуре отчетливо заметно присутствие третьего этноса — древних фракийцев, эллинизированных во времена Римской империи. Имя уничтоженного крестоносцами балтского племени пруссов получило немецкое королевство, а Ливийская Арабская Джамахирия сохранила в своем названии имя древней римской провинции, хотя живут там теперь совсем не те ливийцы, с которыми воевали еще египетские фараоны. И говоря об образовании на Руси государства, роли в этом процессе варягов, происхождении названия «Русь», мы должны отдавать себе отчет, что русский народ отнюдь не относится к числу народов, формировавшихся на мононациональной основе. На обширных пространствах Восточной Европы, где издавна проходили пути великих переселений и торговых караванов, где сменяли друг друга крупные племенные образования (одни, как сарматы и скифы, подробно описанные античными историками, другие — подобно балтам или финно-уграм, едва упомянутые мельком на полях их трудов), появление славян, усиление славянских племен, образование у восточных славян государства не могли не протекать в тесном взаимодействии с другими народами этого региона, и сами эти народы были достаточно активно вовлечены в данный процесс.

В. О. Ключевский любил повторять, что история России — это история страны, которая колонизируется. Он имел в виду, конечно же, прежде всего колонизацию огромных неосвоенных пространств. Историческое ядро Великороссии (Северо-Восточная Русь) стало славянским едва ли не на глазах первых летописцев: пришедшие с запада и с юга славяне ассимилировали местные (преимущественно угро-финские) племена. Да и один из главных центров русской государственности, новгородское Приильменье, сам являлся «котлом», где сплавлялись воедино славяне, балты, угро-финны и скандинавы.

До сих пор наука не в состоянии сколько-нибудь подробно осветить древнюю историю восточных славян в «догосударственный» период. Известно, что в конце X в., после падения державы гуннов, началось движение славян в балканские провинции Византии. Племена славян, согласно византийским источникам, разделялись тогда на две группы: антов, живших по черноморскому побережью, от Нижнего Дуная до Нижнего Днепра, и склавинов, которые занимали территорию к северу от Дуная до Верхней Вислы и к востоку до Днепра. Колонизация

Балканского полуострова была результатом не переселения, а расселения славян; они удержали за собой и ранее занятые земли в Центральной и Юго-Восточной Европе.

Поскольку восточнославянские племена, жившие на нынешней территории нашей страны, в древности редко вступали в непосредственные контакты с византийцами, сведений о них сохранилось очень мало. Описывая войны византийцев с готами, Прокотгай Кесарийский упоминает, что славяне «не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве...». Впрочем, уже на этом этапе у славян появляются военные вожди. Случайно дошли до нас имена некоторых из них: Добрит, Хвалибудий, «Мезамир, сын Иларичев, брат Калагаста». Часто встречается в литературе князь Боз, воевавший с готами и казненный ими вместе с сыновьями и вельможами. Историки-энтузиасты почему-то отождествляют его с Бусом, косвенно упомянутым в «Слове о полку Игореве», где готские девы «поют время Бусово», хотя с чего бы готским девам XIII в. поминать жившего в конце IV в. антского вождя? Кстати, не исключено, что князь, называемый в хронике готского историка Иордана «Боз», — просто «вождь», т. е. это не личное имя, а «звание» предводителя актов.

Процесс развития новых, «варварских» государств в Южной и Западной Европе шел ускоренным путем, потому что он опирался на государственные традиции (а отчасти — и общественные структуры) поздней античности. Народам Центральной и Северо-Восточной Европы свой путь к государственности предстояло пройти вполне самостоятельно. И предпосылки создания на юге Руси государства возникают не ранее чем стихают волны великого переселения народов. Государства и города не возникают прямо на проезжей дороге.

Действительно, у антов и у других славянских племен, по всей вероятности, возникали какие-то племенные структуры, племена объединялись, их возглавляли военные вожди и старейшины, воевавшие с готскими королями и византийскими стратигами. Но ни города, ни государства не смогли бы уцелеть под копытами коней многотысячных орд, шедших через южнорусскую степь. Относительно спокойная ситуация, способствовавшая созданию реальных предпосылок для образования здесь государства, возникает не ранее чем появляется заслон от кочевников к востоку от Днепра. Таким заслоном для Южной Руси стал Хазарский каганат — тюркское раннефеодальное государственное образование, возникшее в середине VII в. на территории Нижнего Поволжья и в восточной части Северного Кавказа,

Со времен первых летописцев принято оценивать роль хазар в истории Руси негативно: они брали с южных русских племен дань, и лишь походы храброго Святослава окончательно сокрушили воинственного восточного соседа Руси.

Однако здесь, пожалуй, уместно будет вспомнить Салтыкова-Щедрина, обожавшего язвить по поводу различных эпизодов отечественной истории. В «Современной идиллии» мифический новгородец IX в. Добромысл Гадюк («благонамеренный человек, а по другим источникам вор») объясняет причину напряженных отношений своих соотечественников с варягами тем, что последние «грабят не чередом, убивают не ко времени, насилуют не по закону», и, когда его собеседники удивленно спрашивают, почему быть ограбленным по закону лучше, убежденно отвечает: «Как же возможно! по закону или без закона! по закону, всем ведомо, — лучше!»

Хазары, если так можно выразиться, «разбойничали по закону», т. е. обложили славянские племена небольшой данью. В то же время существование на востоке их стабильного политического объединения гарантировало славянские земли от катаклизмов недавнего прошлого, когда невесть откуда свалившаяся дикая орда могла в течение одного дня спалить, разорить, уничтожить все созданное и накопленное в течение десятилетий.

Как это нередко случалось в истории, новое государственное образование восточных славян вызревало в тени более сильного соседа, и, как только последний начал проявлять признаки

ослабления под влиянием ударов с востока и юга, внутренних усобиц, связанных с принятием иудаизма частью хазарской верхушки в конце IVIII — начале IX в., усилившегося натиска кочевых племен, вожди восточных славян стали освобождаться и от этой слабой зависимости от каганата. Своего рода декларацией независимости и равноправия правителей Руси с владыками Хазарской державы стало и употребление киевскими великими князьями вплоть до XI в. тюркского титула кагана (царя).

Именно в тот период, по-видимому, возникают на юге Руси первые города, сохранившиеся до летописных времен, в том числе и Киев. Внутренние процессы, активное участие в торговле (Киев становится одним из важных перевалочных пунктов на пути из варяг в греки) создают предпосылки для возвышения будущей «матери городов» Руси. Сообщение же летописи, называющей Киев времен Аскольда и Дира «градком», т. е. городком, по всей вероятности (насколько можно судить по археологическим источникам), достаточно верно отражает реальное положение этого города в первой половине IX в. В ранней русской истории отчетливо вырисовывается противостояние двух центров формирующейся русской государственности — Новгорода и Киева. Но, хотя рассказ о призвании варягов является одним из краеугольных камней начальной русской истории, летописание начинает ее древнейшую (легендарную) часть в Киеве, и число новгородских преданий, независимо от степени их достоверности, не идет ни в какое сравнение с числом преданий южных. Древнейшая история Новгородской земли (при том, что сам Новгород, по-видимому, появляется только в X в. и попытки археологов обнаружить там более ранние слои не принесли, во всяком случае пока, никакого успеха) еще более туманна, чем история земли Киевской. Есть некоторая парадоксальность в ситуации, когда один из древнейших городов России носит название «Новый». Встает естественный вопрос: где же находился предшествовавший ему «Старгород»? Всерьез претендовать на роль предшественника Новгорода могут только Ладога (теперь Старая Ладога) и Рюриково Городище у истоков Волхова на берегу озера Ильмень. К сожалению, в конце XVIII в. при строительстве канала граф Сивере провел его трассу прямо посреди городища, и урон, нанесенный им исторической науке, сравним с Батыевым нашествием (свинцовые княжеские печати, выброшенные водой, до сих пор находят на берегах канала). Старая Русса, которая (из-за ее названия) считалась возможным претендентом на роль древнейшего центра Новгородской земли, по имеющимся археологическим данным, еще моложе Новгорода. Более вероятно, что именно Рюриково Городище было поселением предков новгородцев и первым политическим центром северной Руси. Во времена Новгородской республики оно служило княжеской резиденцией. Надо сказать, что в древнейший период русские города перемещались не так уж редко. Смоленску, по-видимому, предшествовало уже упоминавшееся поселение в Гнездове, Переяславлю-Залесскому — Клещин на берегу Плещеева озера.

По прошествии более чем тысячелетия история совершившаяся кажется иногда единственно возможной, но тогда, в середине IX в., не исключен был и совершенно иной вариант развития событий. Два центра формирующейся восточнославянской государственности — северный и южный — были вполне самостоятельны друг от друга. Довольно обособленно развивалось и Полоцкое княжество, территория, населенная кривичами (земли современной северо-восточной Белоруссии), даже позже лишь слабо связанная с великим киевским княжением. На огромной территории, объединенной впоследствии в «империю Рюриковичей», с избытком хватило бы места не только для двух, но и для трех, четырех и более славянских государств.

Системой торговых путей, рек и волоков Приильменье в равной мере было связано с двумя направлениями: южным — «из варяг в греки» и восточным — через притоки Верхней Волги и по самой этой реке, Каспийскому морю со Средней Азией, арабским миром. По этому — волжскому — пути долгое время в Европу шло восточное серебро, и эта торговая артерия не уступала по своему значению пути из «варяг в греки». Можно было бы предположить, — поскольку восточный

путь совпадал с направлением колонизационных потоков с Приильменья,— что новое государство будет развиваться именно на восток. Однако пределы колонизационных потоков (как и крайние пределы норманнских захоронений) ограничиваются Средней Волгой, точнее — местностью между Ярославлем и Костромой (колонизация костромского Поволжья относится уже к XII в.).

Что же остановило и движение викингов, и вероятное развитие государства по этому пути? В середине века понятие государственных границ, характерное для нового времени, было не очень распространено. Существовали достаточно широкие ничейные зоны, иногда безлюдные, лесные, иногда с населением, платившим дань той или иной стороне либо обеим сторонам (как впоследствии саамы — Норвегии и Новгороду). Судя по источникам XII в., крайний восточный рубеж славянского населения, ярославское Поволжье, довольно систематически подвергался нападениям волжских болгар. До начала X в. они подчинялись Хазарскому каганату, затем начали добиваться самостоятельности, приняв мусульманство и обеспечив себе поддержку Арабского халифата. Окончательной «эмансипации» Волжской Болгарии способствовал разгром хазар Святославом в 965 г. Вероятно, в этом компактном государственно-территориальном объединении, лежавшем на скрещении волжских путей с дорогами, которые вели на Урал — в страну мехов и серебра, и следует видеть препятствие, положившее непреодолимый предел активному продвижению варягов и развитию нового государства в восточном направлении. Если восточный путь был заблокирован болгарами и хазарами, то совсем иная ситуация существовала на юге. Здесь, на всем протяжении пути «из варяг в греки», обитали племена, родственные ядру приильменской державы, и в системе сложных взаимоотношений местного населения с их сюзереном — Хазарским каганатом — пришельцы с севера выступали как естественные союзники. Отсюда и основное направление процесса объединения восточнославянских земель — с севера на юг, и сравнительная легкость объединения «верхней» и «нижней» Руси. С момента их слияния, впрочем, происходит существенная переориентация, смещение политического центра новой державы на юг. Новая династия и ее дружина не присоединили Киев к Новгороду, а превратили Киев, будущую «мать городов русских», в свою столицу.

Необходимо сказать несколько слов о происхождении династии, наследовавшей Олегу в Киеве и во всей Русской земле. Как мы помним, князя Игоря, мужа Ольги и отца Святослава, летопись прямо называет сыном Рюрика. В легенде — если бы мы признали рассказ о Рюрике легендарным — логично было бы построить прямую цепочку: Рюрик, его преемник, а значит, сын Олег, преемник последнего, — сын, Игорь (в последнее время в художественной литературе была предпринята попытка объявить Игоря зятем Олега, а Ольгу — дочерью «вещего» князя; думается, что уж о таком-то родстве летописи наверняка сохранили бы известие). Летописец поступил иначе, так как был точно уверен, что Игорь не был сыном Олега. Есть ли у нас основания считать Игоря «Рюриковичем»? Насколько достоверна генеалогическая легенда, зафиксированная летописью в XI в., хотя и явно восходящая к более ранним известиям? По всей вероятности, у нас нет оснований отбрасывать ее, тем более что скандинавское происхождение киевской династии теперь вряд ли может вызывать сомнение.

Но, может быть, допустимо несколько вариантов прочтения летописного свидетельства? Ряд историков, в частности В. В. Мавродин, заметили, что в договоре с греками Игорь окружен целой группой родственников. Возникает впечатление, что эта династия правит на Руси уже не одно поколение. Так, может быть, в летописной версии потеряно одно звено, и Игорь, отец Святослава, и Игорь Старый некоторых летописей — разные лица? Может быть, было два Игоря, старший — сын Рюрика, и его сын или внук — отец Святослава? Однозначного ответа на этот вопрос нет. Вариантов может быть множество, хотя бы такой: Игорь, наследуя в Киеве бездетному Олегу, мог действительно быть его родственником и сыном некоего Рюрика. Другие варианты: последний мог быть тезкой князя, призванного в Новгород, или имя отца киевского князя было позже присвоено в легенде основателю Приильменского княжества, предшествовавшему Олегу, и т. д.

Во всяком случае, великокняжеская династия, наследовавшая Олегу в Киеве, несомненно, была связана и с Новгородом. Она была достаточно влиятельной для того, чтобы быть признанной и местной, и варяжской знатью и дружиной, что позволило ей сохранить единство державы. Имя Рюриковичей они носили явно по праву.

Летописный рассказ вполне справедливо отмечает варяжское происхождение русской княжеской династии. Есть все основания полагать, что столь же достоверны и сведения летописца о происхождении имени нашего государства. Со времен Байера и Миллера историками накоплен большой материал, не только подтверждающий скандинавское происхождение термина «русь», но и позволяющий довольно четко проследить, как постепенно менялось и расширялось значение этого термина в зарубежных и восточнославянских источниках интересующего нас периода.

Источником этого слова традиционно считается древнескандинавский глагол «грести». Полагают, что в славянский язык оно проникло от финнов. Обозначая первоначально воинов-гребцов, оно, с одной стороны, стало приобретать черты этнонима, с другой — сохраняло значение социального термина, применяемого по отношению к воинам, княжеским дружинникам. Известие о том, что Рюрик и его братья взяли с собой «всю русь», новгородская летопись передает «пояша с собою дружину многу». «Все росы» — характерное обозначение княжеской дружины у Константина Багрянородного; для описания похода Олега на Константинополь 907 г. характерно противопоставление княжеской дружины (руси) рядовому войску (словенам). Но это социально-терминологическое значение термина «русь» довольно быстро размывается, слово теряет изначально присущее ему этносоциальное значение, что, может быть, было связано с включением в дружину «мужей» славянского происхождения, совместными экспедициями славян и варягов, возглавляемыми Олегом и Игорем. Намечается тенденция к расширению значения слова «русь», переносу этого названия со скандинавских реалий на реалии восточнославянские. Уже в середине X в., в описании похода Игоря на Византию и его договора 944 г., войско, состоявшее из представителей различных племен, преимущественно славянских, называется «русью», а договор заключает Игорь, великий князь русский, князь и люди Русской земли. По-видимому, название «Русской земли», т. е. территории, подвластной великому князю русскому, складывается в процессе консолидации восточнославянских племен при активном участии скандинавского элемента. Новая этнокультурная общность принимает имя, первоначальные носители которого интегрируются и растворяются среди местного населения (подобно тому, как это произошло с уже упоминавшимися болгарами). И, убедительно обосновывая скандинавское происхождение слова «русь», современные исследователи (Е. А. Мельникова и В. Я. Петрухин) справедливо констатируют, что оно «имеет сколько-нибудь прямое отношение к скандинавам лишь в догосударственный период развития восточнославянского общества, а его эволюцию отражают этнокультурные и социально-политические процессы становления восточнославянской государственности».

Государственности, добавим, у истоков которой все-таки стояли варяжские князья с их дружинами. Участие скандинавских дружин и князей, издавна облюбовавших путь из «варяг в греки», в политической жизни местных славянских племен вполне объяснимо. Племена, заключавшие союзы с варягами, призывавшие к себе или принявшие (подобно полоцким кривичам, полянам, новгородским словенам) варяжских конунгов с их дружинами, обеспечивали себе более сильные позиции в отношениях с соседними племенами. Опытные военачальники-варяги получали власть над объединенными силами славянских племен во время походов на Константинополь (как это было при Аскольде, Олеге, Игоре), но эти племена сохраняли собственное устройство, а их отношения с великими князьями даже во времена Олега и Игоря оставались данническими.

«Великие» и «светлые» князья (по-видимому, военные вожди) имелись у многих племен. Объединение восточнославянских земель в Древнерусском государстве, разумеется, было подготовлено внутренними социально-экономическими процессами. Но произошло оно в результате похода князя Олега на Киев, датируемого летописью 882 г., при активном участии его «руси» — варяжской дружины, вместе с другими племенами Поильменя. Легкость утверждения власти Олега в Поднепровье доказывала, что к этому времени созрели внутренние условия для объединения или, во всяком случае, отсутствовали сколько-нибудь серьезные препятствия для него. Какую роль в этом сыграли варяги? Несомненно, очень важную. И дело тут, разумеется, не в каких-то особых организационно-государственных качествах скандинавов. Известно, что в Исландии, в Гренландии поселившиеся там в средние века потомки норманнов, предоставленные самим себе, государства не создали вовсе. Но здесь, в Восточной Европе, появление варяжских дружин, по-видимому, заметно ускорило процесс образования государства. Они явились необходимым консолидирующим элементом, они — на первом этапе — составляли опору военной власти великого князя, их представителя. Речь шла при этом не о завоевании, а о сотрудничестве, синтезе культур. Славянизация династии и дружинной верхушки была, по-видимому, предопределена изначально (аналогичной была судьба норманнских властителей Сицилии, Нормандии, Англии, в конце концов усвоивших язык и культуру местного населения). Славянское в своей основе, хотя и вобравшее балтские, финно-угорские племена, Древнерусское государство было создано не только и, может быть, даже не столько варягами; но без них, без того беспокойного и воинственного элемента, вновь увлекшего восточных славян в походы на Византию, может быть, объединение севера и юга совершилось бы значительно позже или (как это произошло у западных славян) на месте Киевской Руси возникли бы соперничающие друг с другом королевства.

Что же представляло собой Древнерусское государство при первых Рюриковичах? Наблюдая ход исторического развития Европы, остающегося эталоном при сопоставлении социально-исторических процессов для науки нового, а отчасти и новейшего времени, нетрудно заметить, что процессы социально-политического и экономического развития общества в древности словно замедляются с юго-запада на северо-восток, от Средиземного моря, колыбели античных цивилизаций, к Балтике и дальше к Северному Ледовитому океану. Русь, окраина европейского мира, довольно долгое время сохраняла черты раннефеодальной монархии со значительными элементами предшествующего ей родового строя (хотя представлять ее вплоть до XIII в. страной, где господствовала родовая демократия, своеобразной конфедерацией областных «городов-государств», как склонны считать некоторые современные ленинградские историки, нет никаких оснований).

В Древней Руси государство являлось верховным собственником земли, природные богатства которой (пушнина, мед и воск диких пчел, рыбные ловы) представляли собой не меньшую ценность, чем возделываемые угодья, — достаточно вспомнить князя Святослава Игоревича, задумавшего перенести столицу на Дунай, в Переяславец, и среди товаров, стекавшихся туда из разных стран, упомянувшего «из Руси меда и воск, меха и рабы». Феодалное землевладение развивалось медленно. Особенно хорошо это видно на примере церкви. В средние века церковь во всех христианских странах, в том числе и на Руси, была одним из крупнейших землевладельцев. Однако на Руси древнейшие княжеские пожалования, по крайней мере до середины XII в. включительно, составляли не земельные угодья, а часть государственных доходов с определенной территории («десятина») и повинностей в пользу церкви с местного населения. Бояре и дружинники со времен первых Рюриковичей получали от князя часть дани, в сборе которой они принимали участие. Походы за сбором дани — «в полюдье» — наряду с военными экспедициями занимали большую часть времени князя и его администрации. Случались конфликты с местными племенами из-за резкого превышения размеров дани, — можно напомнить хрестоматийный пример с князем Игорем и древлянами. Конфликт был

спровоцирован княжеской дружиной, т. е. «коллективным феодалом», с интересами которого должен был считаться великий князь. Чтобы управлять государством, тем более столь обширным, власть должна была находиться в постоянном движении; даже во времена более стабильные, на рубеже XI — XII вв., Владимир Мономах вспоминал, что совершил за свою жизнь 83 больших похода («а прочих, меньших, и не упомяну»). Нечто подобное можно наблюдать в Западной Европе в эпоху Карла Великого и несколько позже, хотя на Руси, в отличие от империи Каролингов, не возникло серии «временных столиц». Киев, в силу своего исключительно выгодного положения на перекрестке пути «из варяг в греки» и северной ветви Великого шелкового пути, был вне конкуренции.

Централизованный характер сбора и распределения дани в сочетании со слабым развитием товарно-денежных отношений, когда верховная власть выступала основным «распределителем благ», способствовал тому, что на Руси при первых Рюриковичах феодальная аристократия не стремилась обособиться от правителя на местах, как это происходило в Западной Европе, а концентрировалась в городах при княжеском дворе, т. е. господствовала коллективная форма феодальной собственности. Речь не идет, конечно, о древнейших местных династиях, чьи владения были подчинены киевскому великому князю. Само начало феодальной раздробленности на Руси носило впоследствии «семейный», патримониальный характер. В удельных княжествах верховная власть продолжала оставаться у потомков династии Рюрика. Создание уделов, передача великим князем городов и земель своему многочисленному потомству объяснялись не каким-то легкомыслием верховных правителей или их чрезмерным чадолюбием. Как справедливо отметил Л. В. Милов, единственной возможностью относительно надежно обеспечить будущее каждому из княжеских сыновей было предоставление им верховной власти на определенной территории. Такой порядок сохранялся на Руси и в дальнейшем. В первые века русской истории, однако, после смерти очередного великого князя (Святослава, Владимира) начинался период междоусобиц, и в конце концов верховная власть доставалась одному из его сыновей. По-видимому, так было до тех пор, пока верхушка общества нуждалась в единстве. Дробление государственного суверенитета при преемниках Ярослава было подготовлено длительным развитием производительных сил и (в отличие от современного распада республик на враждующие области) свидетельствовало не о кризисе державы, а о возвышении отдельных центров, способных существовать самостоятельно. Но для этого Руси предстояло пройти долгий путь.

Отмену «полюдья» и введение новой системы сбора дани летопись связывает с именем княгини Ольги, вдовы Игоря. При ней, во второй половине X в., по крайней мере на части территории государства, вблизи предполагаемой родины Ольги — Пскова и в покоренной после восстания земле древлян был определен устойчивый размер дани и были устроены погосты — центры сбора этой дани.

Вероятно, в это же время происходит складывание, хотя бы в общих чертах, служебной системы, исследования которой, предпринятые в последнее время Б. Н. Флорей, во многом дают ключ к пониманию особенностей социально-политического и социально-экономического развития Киевской Руси и ее будущих преемников — Великих княжеств Московского и Литовского. Для древнейшего периода (до XIII в.) аналогичные системы прослеживаются также в истории Польши и Чехии, что свидетельствует о сходных путях развития славянских народов, находившихся в близких исторических условиях.

Существование коллективной формы феодальной собственности делало необходимым формирование определенных социальных групп и категорий населения, обслуживавших коллективного собственника. Люди, относившиеся к этим категориям, освобождались от всех (или части) даней и других повинностей, возлагаемых на остальное население. По своему характеру служебная организация разделяется на две большие отрасли: промыслы природных богатств

(охота на пушного зверя, в особенности на бобров, рыбная ловля, добыча лесного меда и воска бортниками) и различные ремесла, непосредственно связанные с обслуживанием князя, бояр и дружинников. О широком диапазоне последних наглядно свидетельствуют последние находки археологов на Волыни, где при раскопках городищ обнаружены большие хлебопекарные печи, явно работавшие на дружину, размещенную в замке-детинце.

Длительный период существования коллективной феодальной собственности на землю подразумевает, естественно, столь же продолжительное сохранение большого числа лично независимых людей в основании феодальной лестницы, в первую очередь свободных крестьян-общинников. Процесс феодализации землевладения по письменным источникам киевского времени (XI — первая половина XIII в.) прослеживается довольно слабо, но это свидетельствует скорее не об отсутствии процесса как такового, а о состоянии источников по этой проблеме. Актовый материал, служащий основным источником для изучения изменений форм землевладения в XV — XVI вв., для киевской эпохи почти полностью отсутствует (в особенности это касается частного акта). Причины этого и в плохой сохранности древнейших русских письменных памятников в целом, и в длительном бытовании практики устного заключения имущественных соглашений в присутствии авторитетных свидетелей (известно, что еще в XII в. княжна, т. е. лицо, даже не вполне частное, Ефросинья Полоцкая, как свидетельствует ее житие, приобретала землю для основанного ею монастыря без письменного оформления сделки).

Наряду со свободным населением в древнерусском обществе существовали, хотя и в значительно меньшем числе, и рабы (холопы). В древнейший период это преимущественно были пленники, захваченные в военных походах (какой-то процент, вероятно, могли составлять и неплательщики полюдья), позднее распространяется и долговое холопство. Труд рабов применялся в княжеском и боярском хозяйстве, они «сажались» на землю, включались в служебные категории населения (например, рабы-ремесленники), из них же могла формироваться и администрация в феодальных хозяйствах. Известно, что позднейший термин «дворянин», как и социальная категория, обозначаемая им, тесно связана с понятием «двор», «дворня». Такой доверенной рабыней княгини Ольги была, например, ключница Малуша, мать князя Владимира, которого полоцкая княжна Рогнеда презрительно назвала «робичичем» (т. е. сыном рабыни).

На местах наряду с княжеской администрацией существовали элементы местного самоуправления городов и общин — выборные старейшины, народное ополчение — «тысяча», память о котором сохранилась в позднейшем чине тысяцкого, некогда его предводителя. Однако народное собрание (вече) в качестве высшей формы самоуправления стало пережитком уже к XI в.: все случаи его упоминания в летописях за это и последующее столетия связаны с исключительными ситуациями, когда в результате военной угрозы, стихийных бедствий или длительного голода администрация оказывалась не в состоянии контролировать положение. Исключение из этого правила составляют только Новгород с его «пригородом» Псковом и до какой-то степени Полоцк, где ранний этап формирования государства под властью варяга Рогволода, возможно, был аналогичен приильменскому. Здесь вече сохранило свою силу в течение столетий и стало со временем одним из неотъемлемых атрибутов феодальной республики — лишнее свидетельство существования договора на определенных условиях союза приильменских племен с династией, объединившей позднее Русь.

Важнейшим событием, четко разделившим древнейшую историю Русского государства на два этапа, явилось принятие князем Владимиром в конце X в. христианства в его византийском, будущем православном варианте (тема, вполне заслуживающая самостоятельного рассмотрения). В результате образовался своеобразный историко-культурный феномен, не имеющий аналогов в славянском мире. Страна, в то время близкая по социально-экономическому и политическому укладу Чехии и Польше, принявшая католичество и вошедшая в круг цивилизации и культуры

латинской Европы, в культурном отношении сблизилась с южнославянскими народами Балканского полуострова, находившимися в сфере влияния Византии и развивавшимися по византийской модели. Это обстоятельство — «выбор веры» (разумеется, не случайный, обусловленный многими причинами, в том числе — давними связями Руси с Византией и южным славянством) — во многом определило особенности развития страны и ее культуры на долгие времена. Христианизация Руси способствовала интеграции русского общества на принципиально новой основе. И в числе многочисленных экономических, социальных, культурных последствий разрыва Руси с язычеством и ее вхождения в семью христианских народов было осознание русской культурной элитой места восточных славян в мировом историческом процессе, ценности знаний о прошлом Руси, сохранившихся в преданиях и былинах. Тогда-то и зарождается на Руси летописание, возникают те памятники, благодаря которым до наших дней дошли крупницы знаний о первых русских князьях. Тогда-то и звучит впервые вопрос: «Откуда есть пошла Русская земля?» Вопрос, на который до сих пор по-разному отвечают историки.

<http://www.a-nevsky.ru/library/otkuda-est-poshla-russkaya-zemlya.html>